

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3972026>

УДК 351.354/291.1

Ли Янг

Ли Янг, докторант, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет. Республика Казахстан, г. Семей, ул. Мәңгілік ел., 11. E-mail: liyang721@inbox.ru.

Государственная политика Китайской Народной Республики в отношении религии

Аннотация. В данной статье автор рассматривает вопросы государственной политики КНР в отношении религии. Выбор темы обусловлен актуальностью и значимостью проблем религии для сохранения мира и стабильности в обществе. Религиозная ситуация в Китае отличается от общемировой. Международные исследования общественного мнения показали, что в Китае гораздо ниже число верующих, чем в других странах. Особенностью религиозной политики является регламентация норм поведения верующих, обусловленная стремлением КПК сохранять контроль над идеологией. Это продиктовано тем, что ситуация с мусульманами и буддистами представляется сложной. Скрытая конфликтность в Синцзяне и на Тибете может серьезно угрожать внутренней стабильности.

Ключевые слова: государство, религия, политика, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, ситуация.

Li Yang

Li Yang, PhD Student, Kazakh State Academy of Law. Republic of Kazakhstan, Semey, Mengilik el st., 11. E-mail: liyang721@inbox.ru.

State policy the people republic of china in relation of religion

Abstract. In the paper considered issues of state policy in the PRC in relation to religion. The choice of topic is due to the relevance and significance the problems of religion for maintaining peace and stability in society. The religious situation in China is different from the global. International opinion polls have shown that the number of believers in China is much lower. A feature of religious policy seems to be the regulation of the norms of behavior of believers, due to the desire of the CCP to maintain control over ideology. This is dictated by the fact that the situation with Muslims and Buddhists seems complicated. The latent conflict in Xinjiang and Tibet can ultimately seriously threaten internal stability.

Key words: state, religion, politics, religious freedom, state-confessional relations, situation.

Религия составляла и будет продолжать составлять важную часть человеческой ментальности. Именно религиозная компонента формирует идентичность существенной части современных этносов. Это в полной мере соответствует ситуации Китайской Народной Республики, так как Китай на всем протяжении своей истории был

страной, населенной разными народами, исповедующими разные религии.

После провозглашения КНР руководство страны не стало агрессивно внедрять атеизм в систему государственного управления, наоборот оказывало поддержку тем религиозным течениям, которые были лояльны к новой власти. В настоящее время религиозный ландшафт Китая представлен:

– буддизмом, самой распространенной религией в Китае;

– исламом, который исповедуют проживающие в КНР уйгуры, хуэйцы, узбеки, таджики, казахи, киргизы, татары, сала, баоань и дунсян;

– христианством (католичество и протестантизм);

– даосизмом.

В статье речь идет о формах и подходах государственной политики в области религии. Китайский опыт интересен тем, что религиозные процессы там развиваются в отличном от общемирового направления, что показывают итоги экспертного опроса, сделанного институтом Гэллапа [см.: 13]. Доля тех, кто заявил, о своем неверии в Бога составила 67 %, и лишь 9 % респондентов указали на то, что они верят в Бога. Для сравнения в мире, примерно 70 % верующих в бога, в той или иной форме [12].

Особенность китайского управления религиозной политикой состоит в прагматизме и сочетании интересов власти и нужд граждан. В связи с этим для исследователя интересно изучить пути формирования политической стабильности и оценить степень влияния религиозного фактора на безопасность Китайской Народной Республики.

Цель статьи заключается в обосновании роли государства в обеспечении мира и внутренней стабильности в Китае, исходя из возрастания роли религиозного фактора для социального развития общества.

Постановка цели обусловила необходимость решения следующих задач: формулирование базовых принципов деятельности религиозных учреждений в Китае; анализ основных тенденций развития религиозной ситуации; изучение особенностей регулирования религиозной политики в КНР, с целью построения действующей модели государственно-конфессиональных взаимодействий.

Российский исследователь Л. Афонина [1-4] посвятила несколько работ оценке роли и места государства при формировании религиозной политики в Китае.

Невозможно обойти вниманием личность Дэн Сяопина, которого по праву считают отцом современного Китая, Р.Р. Мухаметзянов и А.А. Миннебаева [10] рассматривают религиозную ситуацию в этот период, делая упор на оценку влияния религии на социальные процессы. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями предмет исследования С.В. Будаева, Н.В. Черкасова и В.А. Белоганова [5], рассматривают, как изменения религиозной ситуации отражаются на безопасности.

Вопрос государственно-конфессиональных отношений изучали такие китайские авторы, как Моу Чжун Цзянь [20] и др. Историография вопроса довольно обширна, вместе с тем есть определенный разнобой в оценках и принципах анализа.

Источниками выступают материалы китайской прессы, которая уделяет внимание религиозной ситуации, исходя из разбора основных политических проблем в стране [16; 1].

В целом, религиозная политика в Китае продумана и прагматична. Для китайских властей очень важно не допускать роста напряженности в связи с большой чувствительностью религиозного вопроса. Есть определенная сложность с подсчетом числа верующих. По оценкам Ван Цзоань, главы управления по делам религий КНР в 2013 г. число верующих составляло примерно 100 млн человек. При этом китайский чиновник затруднился точно назвать число последователей буддизма и даосизма. А вот в отношении христианства и ислама он был более точен. По его мнению, в Китае было порядка 5,5 млн католиков, 23 млн протестантов, 21 млн мусульман [13].

При этом есть различие в официальной статистике, и тех данных, которые публикуются на Западе. В ряде западных источников фигурирует цифра в 350 млн [17].

В основу государственного регулирования религиозной сферы современного Китая положены соответствующие статьи Конституции, законы, постановления Госсовета, документы Государственного

Управления по делам религий, постановлениям местных исполнительных органов.

При этом вопросы религиозной свободы в Китае являются темой чувствительной, так часть международных экспертов настаивают на том, что есть определенные ограничения на свободу вероисповедания. В частности, руководитель Human Rights Watch по Китаю Софи Ричардсон указывает на ограничения религиозной свободы в Китае, аргументируя это тем, что в Конституции есть такое понятие как «нормальная религиозная деятельность», никак не расшифровывая его. В этом определении правозащитник видит возможность для ограничения религиозной активности со стороны власти [14].

Власти КНР очень внимательно относятся к религиозной политике. Официально признаются пять религий: буддизм, католицизм, даосизм, ислам и протестантизм. Для граждан создаются необходимые условия для религиозного поклонения, если это не входит в конфликт с государственными интересами. Религиозным организациям предписывается обязательная регистрация в объединениях, которые находятся под надзором Государственной администрации по делам религий [2, л. 67]. В статье 36 Основного закона зафиксирована мысль о том, что любой гражданин Китая имеет право на отправление религиозных культов и обрядов [8]. В 2005 г. было принято «Положение о религиозной деятельности (2005 г.)». Отдельного закона о религии в КНР нет.

Религиозная политика серьезно эволюционировала с момента провозглашения КНР. Мао Цзедун и его ближайшее окружение относились к религии негативно. По мнению атеистически настроенных руководителей, религия должна была постепенно заместиться верой в прогресс [2, л. 121].

На III пленуме ЦК КПК в 1978 г. впервые прозвучала мысль о том, что у граждан КНР есть право на свободу вероисповедания. С этого момента власть фактически признала важное место религии в жизни КНР [15, с. 3-28]. Реформы

Дэн Сяопина, направленные на воплощение в жизнь курса на осуществление четырех модернизаций привели к определенной либерализации религиозной политики [6, с. 80].

На рубеже XX–XXI вв. руководство Китая пришло к решению о необходимости пересмотреть курс религиозной политики, отчасти это было связано с событиями 25 апреля 1999 г. и попытками последователей потребовать прямых ответов от руководителей компартии в связи с арестами и задержаниями последователей секты [23].

На усиление государственного влияния на религию также сказался побег, в конце 1999 г. верховного ламы традиции Карма Кагью Кармапа Ургьен Тринле в Индию, где по просьбе Далай-ламы ему была предоставлена убежище в монастыре Гьютсо. На прошедшем в конце 2001 г. Всекитайском совещании по религиозной работе религию признали ненаучным мировоззрением, плохо влияющим на общественный прогресс [9, с. 115]. Линия на усиление административного влияния государства продолжилась, определенные изменения совпали по времени с тем периодом, когда Фалуньгун вступила в фактическую конфронтацию с КПК. Руководство партии в свою очередь отрицательно реагировало на политические амбиции Ли Хунчжи, руководителя секты [19].

Анализируя ситуацию начала 2000 гг. можно говорить о том, что властям не нравилась ситуация, когда религиозные лидеры могли хотя бы потенциально выступить альтернативой официальной идеологии. В первые десятилетия текущего столетия имели место меры ограничительного характера в отношении общин христиан и псевдохристианских сект [7]. В 2014 г. в провинции Чжэцзян был снесен большой протестантский храм, в массовом порядке убирались знаки отличия с христианских храмов. Официально говорилось о том, что все знаки религиозной принадлежности не соответствовали архитектурным нормам и были сделаны с нарушениями правил, всего под санкции попало примерно 1200 христи-

анских храмов, главным образом, протестантских лишили своих шпилей и крестов. Фактически лишая церкви своих отличительных особенностей власти преследовали цель сделать их максимально незаметными [20, с. 101].

Очень тщательно власти КНР ведут мониторинг религиозной ситуации в таком регионе как СУАР. В попытке противостоять этническому сепаратизму и религиозному экстремизму официальные власти КНР ведут жесткий контроль над мусульманами. Глобализация исламофобии отразилась на положении исповедующих ислам этнических меньшинств, причем наиболее сильно это сказалось на уйгурах. Собственно, из-за угроз безопасности, исходящих от «Исламской партии Восточного Туркестана» Китай вынужден обеспечивать военное присутствие в Ваханском районе Бадахшана, пользоваться объектами в южном Таджикистане, а также жестко контролировать ситуацию в приграничном Синьцзяне [21].

В 2006 г. были введены в действия «Правила аттестации и назначения религиозных служителей ислама». В Кашгаре будущие имамы проходили обязательное подготовительное обучение на специальных курсах, организованных исламским объединением и отделом по делам религий. Затем кандидаты должны были сдать экзамен и получить соответствующий документ. Получение свидетельства предполагало обязательную аттестацию по арабскому языку, Корану, истории ислама, китайскому языку, современной политике и т. д. Согласно новым правилам без такого обучения и получения специального свидетельства имам не мог вести религиозную проповедь [15; 18].

В январе 2015 г. в Синьцзяне был введен в действие запрет на ношение паранджи в общественных местах в Урумчи. Со стороны официальных властей в общественное мнение внедрялось положение о том, что паранджа не была частью традиционной одежды уйгурских женщин [8].

В августе 2016 г. главой парткома КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района стал Чэнь Цюаньго, до этого он

возглавлял партком КПК Тибетского автономного района. Именно с его подачи методы контроля верующих, использовавшиеся в проблемном Тибете стали переноситься в Синьцзян [22].

Стоит заметить, что проблема с ограничениями в отношении мусульман присутствует в СУАР, при этом мусульманские народы, проживающие в других частях КНР, не испытывают жестких ограничений религиозной жизни. Например, граждане национальности хуэй, являются наиболее китаизированными, и в меньшей степени испытывают ущемление своих религиозных прав, поскольку активно показывают свою лояльность властям [5, с. 524].

Ограничения в СУАР в отношении мусульман связаны в большей степени с общей нестабильностью в регионе. Под знаменем борьбы с экстремизмом ведется работа по идеологической работе с национальными меньшинствами, для того, чтобы устранить проявления инакомыслия. Это необходимое условие для продвижения политики «Пояса и Пути», через которую Китай продвигает себя в Центральной Азии.

Еще один проблемный вопрос в религиозной сфере связан с Тибетом. Большие усилия прикладываются для снижения влияния Далай-ламы. Некоторые чиновники высокого ранга пытаются искать параллели между действиями сторонников Далай-ламы и террористами. Правительство 22 октября 2013 г. опубликовало «Белую книгу», в которой были разделы, обосновывающие религиозную политику в Тибете политикой. Далай-ламу, обвиняющие его в сепаратистской деятельности и саботаже развития региона. Актуальность, тибетского вопроса очевидна исходя, из того, что за один 2015 г. было издано две «Белых книги», посвященных Тибету [11].

Далай-лама неоднократно публично заявлял, что намерен прекратить со своей смертью линию перерождений Далай-лам, чтобы ограничить влияние китайского правительства на Тибет [см.: 1].

В ответ на это председатель комитета национальностей и религий НПКСК Чжу

Вэйцзюнь заявил, что «только центральное правительство может принимать решения о сохранении или упразднении системы перерождения лам» [21]. Проблема Тибета довольно сложна и невозможно предложить ее решение в рамках одной статьи. Можно констатировать, что в рамках политики в отношении тибетских буддистов преобладает желание контролировать, а не бороться за сохранение религиозной аутентичности. К буддистам власти Китая применяют дифференцированный подход. Особенно сильному контролю подвергаются незарегистрированные религиозные организации в Тибетском автономном районе и тибетских районах провинций Цинхай, Сычуань, Юньнань и Ганьсу, а также во Внутренней Монголии [13].

Таким образом, религиозный фактор является важной составляющей внутренней стабильности. В многонациональном Китае к основным религиям относятся ислам, буддизм, христианство и даосизм. При этом, с момента образования КНР коммунистическая партия достаточно жестко контролирует религиозно настроенных граждан, считая религиозную идеологию потенциально опасной. К настоящему времени Китай стал государством, где число практикующих религии относительно невелико. Светскость стала нормальным явлением в КНР.

Основными постулатами государственной религиозной политики Китая являются:

– декларированная, на основе Конституции свобода вероисповедания, при этом члены коммунистической партии не могут принадлежать к религиозным об-

щинам. В соответствии с партийным уставом коммунист должен выбрать атеизм;

– церкви в Китае запрещается вмешиваться в административные дела государства, в ответ государство берет на себя обязательство не принимать участия во внутренних церковных делах;

– церковь подчиняется Конституции и законам, которые требуют от религиозных институтов действовать в соответствии с принципами государственной политики;

– гражданам КНР запрещается заниматься религиозной пропагандой, которая может нанести урон, как делам личности, так и обществу в целом;

– при этом нормальная религиозная деятельность, которая ведется в местах, зарегистрированных, предназначенных для отправления одного из четырех, официально разрешенных законом конфессий поддерживается и защищается со стороны государства;

Религиозная ситуация в Китае – это один из важных показателей стабильности и эффективности государственного управления. Китай сегодня демонстрирует четко выстроенную и функциональную систему управления религиями. Несмотря на то, что в СУАР и на Тибете религиозный фактор имеет большой вес, в целом Китай умеет регулировать ситуацию, сохраняя стабильность в государстве, и умело реагируя на внешние вызовы, связанные с исламистскими угрозами, которые исходят со стороны радикально настроенных представителей уйгурской общины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афолина Л.А. Пятое поколение руководителей КНР и китайские верующие: конфликт интересов или поиск пути развития? // Политические процессы в условиях смены экономической модели. Издательство: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. Москва, 2016. С. 33-44.
2. Афолина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978–2015 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2016. 218 с.

3. Афонина Л.А. Новые тенденции в государственном регулировании вопросов религии в КНР // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2: ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 15. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 730-739.
4. Афонина Л.А. Особенности политики в сфере религий в начальный период реформ в КНР (Документ ЦК КПК № 19 от 1982 г.) // Внутренняя политика КНР: история и современность: материалы ежегод. конф. Центра современной истории и политики Китая Ин-та Дальнего Востока РАН. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2011. С. 223-248.
5. Будаева С.В. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями: возможность представления угрозы национальной безопасности России / С. В. Будаева, Н. В. Черкасова, В. А. Белоганов // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 523-527.
6. Делюсин Л. Дэн Сяопин – революционер, маоист, реформатор // Азия и Африка сегодня. 1994. № 8. С. 79-81.
7. Джонсон И. Китай намерен взять христианство под контроль – с помощью переговоров и бульдозеров (The New York Times (США)) // ИНОСМИ.РУ. 25.09.2018. URL: <https://inosmi.ru/social/20180925/243318185.html>
8. Манукян Ж.Р. Религиозная политика Китая / Ж.Р. Манукян, Т.Л. Гурулева, М.В. Скрипарь // Междунар. Журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8, Ч. 3. С. 175.
9. Монгуш М.В. Кармапа XVII и Панчен-лама XI: незавершенная интрига // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 112-127.
10. Мухаметзянов Р.Р., Миннебаева А.А. Религиозная ситуация в Китайской Народной Республике при Дэн Сяопине на фоне социально-экономических реформ // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, Кн. 6. С. 1566-1574.
11. Полный текст Белой книги «Исторический выбор пути развития Тибета» // Китайское информационное интернет-агентство. 15.04.2015. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-04/15/content_35331729.htm
12. Религии в Китае // ChinaHighlights. URL: <https://www.chinahighlights.ru/culture/religions-in-china.htm>
13. Самый высокий процент атеистов в мире зафиксирован в Китае // Сибирская католическая газета. 05.06.2018. URL: <https://sib-catholic.ru/samyiy-vyisokiy-protsent-ateistov-v-mirezafiksirovan-v-kitae/>
14. Albert E. Religion in China // Council on Foreign Relations. 11.10.2018. URL: <https://www.cfr.org/background/religion-china>
15. 伊斯兰教教职人员资格认定办法 // 安徽省伊斯兰教协会 版权所有. 5.12.2006. URL: <http://www.ahislam.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=9&id=275>
16. Ван Дунли. 伊斯兰教中国化历史看我国“多元通和”宗教文化模式 // 湖北省人文社科重点研究基地 湖北民族地区经济社会发展研究中心. 04.09.2018. URL: <https://www.scuec.edu.cn/s/211/t/1322/f5/88/info128392.htm>
17. 以制度优势推动我国宗教治理现代化 // 宗教研究中心. 26.02.2020. URL: <http://www.sara.gov.cn/zjyj/326387.jhtml>
18. 乌鲁木齐公共场所禁止穿戴蒙面罩袍的规定获批 // 新华网. 10.01.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-01/10/c_1113948748.htm
19. 东突厥斯坦伊斯兰运动 // 中国搜索. 11.09.2002. URL: <http://baike.chinaso.com/wiki/doc-view-5292.html>
20. 简明中国宗教史读本 作者：牟钟鉴 张贱 中国社会科学出版社 2015年9月1日 2015. 603 с.
21. 年西藏十七世噶玛巴大宝法王出走印度事件始末 URL: <http://club.xilu.com/zenzenzen/msgview-816613-9604.html>
22. 2016年11月中央及地方党委人事任免一览 // 人民网-中国共产党新闻. 05.12.2016. URL: <http://renshi.people.com.cn/n1/2016/1205/c139617-28924272.html>
23. 中国反邪教网 // 来源：中国反邪教网. 24.04.2019. URL: <http://www.chinafxj.cn/c/2019-04-24/535242.shtml>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Afonina L.A. Pjatoe pokolenie rukovoditelej KNR i kitajskie verujushhie: konflikt interesov ili poisk puti razvitija? // Politicheskie processy v uslovijah smeny jekonomicheskoj modeli. Izdatel'stvo: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk. Moskva, 2016. S. 33-44.
2. Afonina L.A. Gosudarstvennaja politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v sfere religij v period reform (1978–2015 gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M., 2016. 218 s.
3. Afonina L.A. Novye tendencii v gosudarstvennom regulirovanii voprosov religii v KNR // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIV, ch. 2: uchenye zapiski IV RAN. Otdel Kitaja. Vyp. 15. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2014. S. 730-739.
4. Afonina L.A. Osobennosti politiki v sfere religij v nachal'nyj period reform v KNR (Dokument CK KPK № 19 ot 1982 g.) // Vnutrennjaja politika KNR: istorija i sovremennost': materialy ezhegod. konf. Centra sovremennoj istorii i politiki Kitaja In-ta Dal'nego Vostoka RAN. M.: In-t Dal'nego Vostoka RAN, 2011. S. 223-248.
5. Budaeva S.V. Konflikty mezhdru politicheskoj vlast'ju KNR i religioznymi dvizhenijami: vozmozhnost' predstavlenija ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii / S. V. Budaeva, N. V. Cherkasova, V. A. Beloganov // Molodoj uchenyj. 2015. № 7 (87). S. 523-527.
6. Deljusin L. Djen Sjaopin – revoljucioner, maoist, reformator // Azija i Afrika segodnja. 1994. № 8. S. 79-81.
7. Dzhonson I. Kitaj nameren vzjat' hristianstvo pod kontrol' – s pomoshh'ju peregovorov i bul'dozerov (The New York Times (SShA)) // INOSMI.RU. 25.09.2018. URL: <https://inosmi.ru/social/20180925/243318185.html>
8. Manukjan Zh.R. Religioznaja politika Kitaja / Zh.R. Manukjan, T.L. Guruleva, M.V. Skripar' // Mezhdunar. Zhurn. prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2013. № 8, Ch. 3. S. 175.
9. Mongush M.V. Karmapa HVII i Panchen-lama HI: nezavershennaja intriga // Novye issledovanija Tuvy. 2013. № 3. S. 112-127.
10. Muhametdzhanov R.R., Minnebaeva A.A. Religioznaja situacija v Kitajskoj Narodnoj Respublike pri Djen Sjaopine na fone social'no-jekonomicheskikh reform // Uchenye zapiski Kazan. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 158, Kn. 6. S. 1566-1574.
11. Polnyj tekst Beloj knigi «Istoricheskij vybor puti razvitija Tibeta» // Kitajskoe informacionnoe internet-agentstvo. 15.04.2015. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-04/15/content_35331729.htm
12. Religii v Kitae // ChinaHighlights. URL: <https://www.chinahighlights.ru/culture/religions-in-china.htm>
13. Samyj vysokij procent ateistov v mire zafiksirovan v Kitae // Sibirskaja katolicheskaja gazeta. 05.06.2018. URL: <https://sib-catholic.ru/samyiy-vyisokiy-protsent-ateistov-v-mire-zafiksirovan-v-kitae/>
14. Albert E. Religion in China // Council on Foreign Relations. 11.10.2018. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/religion-china>
15. 伊斯兰教教职人员资格认定办法 // 安徽省伊斯兰教协会 版权所有. 5.12.2006. URL: <http://www.ahislam.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=9&id=275>
16. Van Dunli. 伊斯兰教中国化历史看我国“多元通和”宗教文化模式冬丽 // 湖北省人文社科重点研究基地 湖北民族地区经济社会发展研究中心. 04.09.2018. URL: <https://www.scuec.edu.cn/s/211/t/1322/f5/88/info128392.htm>
17. 以制度优势推动我国宗教治理现代化 // 宗教研究中心. 26.02.2020. URL: <http://www.sara.gov.cn/zjyj/326387.jhtml>
18. 乌鲁木齐公共场所禁止穿戴蒙面罩袍的规定获批 // 新华网. 10.01.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-01/10/c_1113948748.htm
19. 东突厥斯坦伊斯兰运动 // 中国搜索. 11.09.2002. URL: <http://baike.chinaso.com/wiki/doc-view-5292.html>
20. 简明中国宗教史读本 作者：牟钟鉴 张贱 中国社会科学出版社 2015年9月1日 2015. 603 s.

-
21. 年西藏十七世噶玛巴大宝法王出走印度事件始末 URL: <http://club.xilu.com/zenzenzen/msgview-816613-9604.html>
  22. 2016年11月中央及地方党委人事任免一览 // 人民网-中国共产党新闻. 05.12.2016. URL: <http://renshi.people.com.cn/n1/2016/1205/c139617-28924272.html>
  23. 中国反邪教网 // 来源 : 中国反邪教网. 24.04.2019. URL: <http://www.chinafxj.cn/c/2019-04-24/535242.shtml>

Поступила в редакцию 22.07.2020.
Принята к публикации 25.07.2020.

Для цитирования:

Ли Янг Государственная политика Китайской Народной Республики в отношении религии // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 150-157. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/LiYang.pdf>